Пустовойт Юрий Александрович

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДВОЕННОСТИ: ПУБЛИЧНЫЕ И ПОТАЕННЫЕ РИТУАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается проблема расхождения между публичными и потаенными приоритетами политической деятельности. Вводится понятие "политическая раздвоенность" и предлагаются критерии для оценки ее дистанции. В российской истории автор выделяет "просветительский" (1762–1854 гг.), "модернизационный" (1856–1905 гг.), "революционно–советский" (февраль 1917 – 1985 г.), "либеральный" (1991 год – по н.в.) периоды роста дистанции политической раздвоенности. Анализ динамики политической раздвоенности позволяет выработать и проверить на историческом материале комплекс гипотез, объясняющих изменение характера публичного и непубличного поведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 152-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, преобладавший красно-кирпичный стиль в православной культовой архитектуре региона характерен относительной целостностью. Тем не менее, декор достаточно разнообразно варьирует мотивы древнерусской архитектуры. Городские церкви этого стиля характерны крупными размерами.

Другие конфессиональные группы населения в строительстве своих храмов внешне широко использовали элементы православной архитектуры и европейских архитектурных стилей, но при этом они сохраняли свои планировочные традиции. Планировка синагоги в Челябинске полностью отвечает иудаистскому канону. Только использование куполов луковичной формы и классических наличников придает ей сходство с русскими церквями.

Взаимовлияние православных церквей и мечетей на Южном Урале привело к формированию интересных культовых сооружений. Продольно-осевая композиция плана уральских мечетей конца XIX века имеет явное сходство с композицией православных русских церквей. Нередко, при общей структуре объема приходской церкви и мечети: базилика с башней на торце, отличие прослеживалось лишь в деталях религиозной символики. Классицистическая традиция членения объема поясками, пилястрами, карнизами присутствовала до конца XIX века. Постепенно михраб стал похож на абсиду православного храма, полуциркульные очертания оконных проемов мечетей напоминали окна православных храмов.

Список литературы

1. **Государственный архив Оренбургской области** (ГАОО). Ф. 11. Оп. 9а.
2. **Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю.** Российская провинция в период модернизации: вторая половина XIX – начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 3. С. 223-225.
3. **Круковский М. А.** Южный Урал: путевые очерки. М.: Изд-во К. И. Тихомирова, 1909. 312 с.
4. **Объединенный государственный архив Челябинской области** (ОГАЧО). Ф. Р-220. Оп. 4.
5. **Шишонко В. Н.** Пермская летопись с 1263 по 1881 гг. Пермь: Тип. Губ. земск. управы, 1883. Кн. 2. 653 с.

ORTHODOX ARCHITECTURE INFLUENCE ON OTHER CONFESSIONS BUILDING ART IN SOUTHERN URAL AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Elena Vladimirovna Ponomarenko, Doctor of Architecture, Associate Professor
Research Institute of Architecture and Urban Planning Theory and History
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences
evpon@mail.ru

The author considers the features of cult buildings architecture of different confessional groups within Southern Ural, reveals the use of typical Russian Orthodox national architectural details in the buildings of other confessions temples, and researches the use of the typical European architectural styles of decorative and compositional elements in the buildings of synagogues and mosques within Southern Ural at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century.

Key words and phrases: population of Southern Ural; building art; architecture; orthodox temples; synagogues; mosques.

УДК 323.396
Политология

В статье рассматривается проблема расхождения между публичными и потаенными приоритетами политической деятельности. Вводится понятие «политическая раздвоенность» и предлагаются критерии для оценки ее дистанции. В российской истории автор выделяет «просветительский» (1762–1854 гг.), «модернизационный» (1856–1905 гг.), «революционно–советский» (февраль 1917 – 1985 г.), «либеральный» (1991 год – по н.в.) периоды роста дистанции политической раздвоенности. Анализ динамики политической раздвоенности позволяет выработать и проверить на историческом материале комплекс гипотез, объясняющих изменение характера публичного и непубличного поведения.

Ключевые слова и фразы: политическая элита; коррупция; силовые, экономические, идеологические, государственные ресурсы; сети доверия; неформальные группы; метод теоретической истории.

Юрий Александрович Пустовойт, к. полит. н., доцент
Центр практической социологии и психологии
Сибирский государственный индустриальный университет
pustovoit1963@gmail.com

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДВОЕННОСТИ: ПУБЛИЧНЫЕ И ПОТАЕННЫЕ РИТУАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ©

Проблемы расхождения публичного и потаенного (в терминологии Дж. Скотта) пластов политики связаны, прежде всего, с пониманием самого феномена многомерных властных отношений (наиболее полно в

© Пустовойт Ю. А., 2012

отечественной политической науке описанных В. Ледяевым [4]), где власть как идеологическое доминирование и способность обеспечивать необходимый уровень легитимности через формирование определенного комплекса установок (А. Грамши, М. Фуко, Дж. Скотт, П. Бурдье) вступает в противоречие с повседневными организационными практиками людей, занимающих позиции в структуре власти, направленными как на навязывание своей воли политическим оппонентам, так и блокировку «опасных» для их положения инициатив (Р. Даль, П. Бахрах, М. Баратц). Раздвоение власти как легитимизирующей цели и ценности системы идеологии и власти как организации повседневной управленческой деятельности с использованием принуждения (власти «для» и власти «над», в концепции Д. Ронга) находит свое отражение в конфликтах, возникающих на институциональном, групповом и межличностном уровнях.

Как и при каких условиях в рамках формальных институтов формируются и расширяются неформальные практики, деструктивные по отношению к институциональным ценностям и целям? Должностное лицо, находясь в ситуации выбора, может руководствоваться при принятии решения правом и законом (в которых, собственно говоря, и выражаются ценностные идеалы государства и его интересы) или, например, ориентироваться на непубличную позицию и мнение тех, кто обеспечил его назначение на должность и будет поддерживать дальнейшее карьерное продвижение. Любой выбор несет определенную долю риска: можно попасть и под вполне конкретные и действенные формальные или неформальные санкции. Почему в одних случаях (исторических периодах, политических системах и т.д.) большинство государственных деятелей выбирает одну стратегию поведения, а в других – прямо противоположную? При каких условиях растет влияние неформальных групп на принятие политических решений, идущих вразрез с публично объявленными приоритетами общественного развития?

Теоретическими ориентирами исследования выступают основные идеи работы Джеймса Скотта «Господство и искусство сопротивления» [9], фиксирующего глубинную область властных повседневных противоречий, ставшие классическими положения Р. Мертона [5] о стратегиях индивидуального приспособления к культурнообусловленному конфликту и теоретические постулаты Р. Коллинза [1; 2], описывающие ход, закономерности и результаты взаимодействия «лицом к лицу». Определенное влияние на формирование концептуального аппарата оказали взгляды арабского философа Ибн–Халдуна об асабии, способности членов группы к коллективным действиям в соответствии с универсальными принципами группы, разрабатываемыми в современной клиодинамике П. Турчиным [8].

В самом общем виде политическая раздвоенность представляет собой расхождение между публичным и непубличным поведением (и связанным с ним комплексом установок – габитусом) лиц, включенных в политическое взаимодействие.

В зависимости от объема власти эти лица могут относиться либо к элитарным группам (определяемых вслед за Р. Лахманом как группа правителей, обладающих возможностями присвоения ресурсов неэлит и входящих в обособленный организационный аппарат [3, с. 32]), либо к неэлитарным. В первом случае, раздвоенность проходит между привилегированными группами, различающимися как уровнем власти, так и сферой компетенции. Во втором - общество выдвигает из своей среды контрэлиту (примером которой может служить оппозиционная несистемная партия) или ориентируется на какую-то часть политической элиты, проводящую курс, идущий вразрез с правящей группой. По уровню власти, опираясь на разработанные Ф. Хантером, Ч. Р. Милсом, У. Домхоффым, М. Манном и Р. Лахманом критерии, выделим четыре уровня (эшелона) политической элиты (элита элиты, элитное ядро (они вместе составляют верховную власть), основная элита, кандидаты в элиту), а также четыре типа субэлит (сетей), формируемых вокруг относительно важных целей, которые, соответственно, обозначаются как идеологические, экономические, военные и политические субэлиты. Именно лидирующие представители этих субэлит (лидеры мнений, руководители крупнейших экономических организаций, руководители силовых структур, государственные чиновники и публичные политики) составляют политическую элиту.

Итак, есть пять важнейших характеристик политической раздвоенности.

1. Она всегда оценивается с точки зрения официальной публичной политики, основой которой выступает доминирующий идеологический проект, репрезентирующий смысл проводимой политики. В ходе реализации идеологических программ властвующая группа стремится формировать определенные комплексы поведенческих установок (габитусов).

2. Критическое отношение к проекту и способам его реализации может происходить в открытой (публичной) и скрытой (потаенной) форме. В первом случае участники высказываются откровенно вне статусных характеристик, во втором - степень откровенности и доверия дозируется.

3. Есть три реакции верховной власти на рост непроговариваемых противоречий (переработка, подавление, замалчивание): перевод их в проговариваемые с созданием соответствующих институциализированных процедур или развитием независимых каналов информации и коммуникации их публичное репрессирование или их негласный контроль и блокирование.

4. Есть устойчивые реакции (жизненные стратегии) различных социальных групп и индивидов на любой идеологический проект: конформизм, инновация, ритуализм, бегство, бунт. В зависимости от действий власти различные статусные группы ориентированы на тот или иной способ приспособления.

5. Рост непроговариваемых противоречий снижает уровень внутригрупповой и межгрупповой солидарности. В случае социально-политического кризиса служит дополнительным фактором падения легитимности

верховной власти и способствует распространению альтернативных (ранее потаенных) идеологий вне зависимости от степени их адекватности.

Выделим как нулевой уровень раздвоенности («0») дистанцию, представляющую собой, скорее, «идеальный тип», чем эмпирическую реальность. Здесь отсутствует расхождение между публичной и потаенной политической жизнью. Это означает, что участники взаимодействия, вне зависимости от властного статуса, способны выдвигать, обсуждать и реализовывать свои политические требования. Существует четко прописанный и адекватный механизм их проработки и реализации через органы власти. Часть согласованных инициатив и стоящих за ними интересов находит свое отражение в соответствующем законодательстве, обеспечивается всеми ресурсами и реализуется в полном объеме.

Дистанция «1» – «продвижение инициатив» – дистанция, близкая к «идеальному» типу. Для этой дистанции характерно проговаривание групповых интересов и принятие большинством идеалов и норм политического взаимодействия. Основной ресурс властных отношений – идеологическая гегемония. Хотя существует комплекс проблем вокруг распределения материальных ресурсов, в целом, в обществе достигнут консенсус относительно декларируемых идеалов и путей их достижения. Заявленные политические инициативы скорее реализуются, чем не реализуются. Эта «нереализация» носит фрагментарный характер, касается неприоритетных направлений и связана с субъективными просчетами и ошибками в оценке объема трудностей при реализации.

Эмпирическим воплощением дистанции «1» выступают страны с демократическим режимом, где, согласно Чарльзу Тили, политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимообязывающими процедурами обсуждения [7].

Дистанция «2» – «конфликт инициатив» - дистанция, при которой инициативы, способные изменить существующую гегемонию, блокируются и не реализуются. Для этого уровня характерен разрыв в проговаривании проблем между управляющими – элитой, представленной различными эшелонами, и управляемыми - населением, имеющим минимальные политические возможности. Политические проблемы проговариваются только в своем круге и не выносятся на общее обсуждение. Основной ресурс власти – контроль над «повесткой» дня и исключение «опасных» проблем из обсуждения, политическая активность санкционируется и репрессируется.

Существует определенный, скорее, вынужденный за неимением подходящей альтернативы консенсус по поводу ценностных приоритетов и доминирующей идеологии, однако, декларированные нормы политического взаимодействия регулярно нарушаются представителями политической элиты. Из наиболее распространенных типов реагирования – инновация и ритуализм, что находит отражение в росте коррупционных скандалов и увеличению бюрократических процедур и корпуса чиновников. На этой дистанции есть открытые массовые конфликты, направленные против отдельных представителей власти, но участники которых обосновывают свои действия доминирующей идеологией.

Событием–маркером перехода на этот уровень служит публичное законодательное ограничение на обсуждение социально-политических проблем. Событием–маркером окончания этого уровня служит переход на негласный контроль политической активности.

Для этого уровня характерна высокая активность как политической элиты, так и населения, что выражается в росте массовых активных выступлений неэлитарных слоев, росте коррупционных скандалов и злоупотреблений власти, росте бюрократического аппарата и усложнения процедур принятия решений.

При этой дистанции декларируемые правящей элитой инициативы реализуются только в том объеме, который соответствует личным интересам членов политической элиты, критика не воспринимается. Эмпирическим воплощением могут служить различные автократии.

Дистанция «3» – «блокировка инициатив» – дистанция, когда острота конфликтов спадает, и противоречия публично не проговариваются на всех властных и невластных уровнях.

Основной ресурс поддержания властной гегемонии – ритуализация политической жизни, блокировка инициатив, точечные репрессии и негласный контроль.

Хотя политическая, экономическая и социальная практика может противоречить заявленным декларациям, это расхождение публично не обсуждается, так как за самостоятельное и несанкционированное обсуждение основ политической жизни есть риск попасть под гласные или негласные репрессии. Политическая борьба происходит в латентных формах, причем ведется среди политической элиты, неэлитарные слои не участвуют в политике, хотя время от времени привлекаются в качестве пассивной «массы». Политическая откровенность ограничена семейным кругом, публичная демонстрация нелояльности может иметь серьезные карьерные или юридические последствия. Для этого уровня характерен рост пьянства и алкоголизма среди всех слоев населения, нарушения трудовой дисциплины и пассивные протестные мероприятия (прогулы, отлынивания, низкая трудовая активность), асоциальное поведение, рост эмиграции (в том числе и внутренней). Среди неэлитарных слоев получают распространение дискредитация символов власти (наиболее ярким проявлением которой выступает «анекдотная» культура), среди элитарных (особенно в элитном пуле) – рост диссидентских объединений и ориентация на образ жизни, конфликтный с тем образом жизни, который в качестве норматива предполагает доминирующая идеология.

Эмпирическим критическим проявлением дистанции служит послевоенный сталинизм и период «застоя».

В рамках предложенных критериев рассмотрим изменения раздвоенности в период с начала правления Екатерины II до настоящего времени. На этом этапе исследования ограничимся не столько количественными, сколько качественными характеристиками исторических ситуаций и выдвинем некоторые гипотезы, объясняющие изменение дистанции.

В рамках предлагаемой концепции можно выделить три крупных полных периода роста политической раздвоенности от дистанции «1» до дистанции «3» и один неполный (современный) период, оцениваемый нами как «2». С определенной долей условности их можно обозначить как «просветительский» (1762–1854 гг.), «модернизационный» (1856–1905 гг.), «революционно–советский» (февраль 1917 – 1985 г.), «либеральный» с 1991 года – по настоящее время. Каждый период заканчивался изменением положения страны в геополитической ситуации и внутренним социально-экономическим кризисом. Основными кризисными событиями здесь служат: поражение в Крымской войне (1854–1856 гг.), поражение в русско-японской и неудачи в Первой мировой войне (1905–1917 гг.), провал войны в Афганистане, потеря геополитических позиций как результат поражения в «холодной» войне и последующего распада СССР на отдельные государства (1985–1991 гг.). Разумеется, в рамках каждого периода (в ряде случаев даже отдельного правления, например, Александра I) можно выделить отдельные периоды раздвоенности. В революционно–советском такими будут ленинско–сталинский и постсталинский, которые могут быть рассмотрены как вполне самостоятельные динамические циклы.

Рассмотренный исторический материал позволяет сформулировать рабочую гипотезу, где рост политической раздвоенности обусловлен выбором политической элитой стратегии самосохранения через отказ от институциализации внутриэлитного конфликта. Политическая элита (точнее, ее наиболее значимый субъект – верховная власть), стремясь минимизировать риски через ограничение каналов обратных связей (прежде всего, печать и политическое образование) и уменьшение возможностей и компетенции представительных органов власти, переводит ситуацию столкновения интересов из открытого конфликта в скрытый. Это хотя и работает на стабилизацию властных отношений, но требует значительно большего количества ресурсов, так как в отсутствии публичного диалога с критической проработкой проблем основным средством воздействия становится пропаганда, а основным механизмом управления – бюрократия (включающая в себя значительный полицейский сегмент).

Сложившаяся конфигурация политических сил, с одной стороны, обеспечивает для лиц, в нее входящих, гарантии личной безопасности, с другой - представляет собой защитную реакцию, направленную, скорее, на коллективное выживание неэлитарных слоев общества.

В рамках макроисторической динамики (см.: Н. С. Розов [6, с. 236]) высокая политическая раздвоенность соответствует фазам «Стагнации», низкая – «Авторитарному» или «Либеральному» откату, то есть комплексам ситуаций, когда становится очевидным, что без нового идеологического проекта и привлечения к управлению новых социальных групп выход из кризиса невозможен. Дополнительными факторами роста раздвоенности выступают: конфронтация политического лидера с широким элитарным сегментом, наличие субэлиты, потерявшей свои привилегии, и массовые социально–экономические фрустрации широких слоев населения.

Во всех рассмотренных нами случаях роста политической раздвоенности лицо, приходящее (заметим, во всех случаях неожиданно) на ключевую политическую позицию, оказывается в конфронтационной позиции с тем или иным сегментом широкой властвующей элиты: Николай и декабристы, Александр III и либеральная бюрократия и земство, Сталин и ленинское окружение, различные группы в Политбюро в 60-е годы, Путин и «олигархи». Исход конфронтации в момент противостояния нес определенную долю личного риска лидера.

Во всех случаях роста политической раздвоенности есть некоторый сегмент властвующей субэлиты, чье положение в предыдущий период подвергалось серьезной дискриминации и которая при продолжении действующего политического курса ясно понимает угрозы своему положению. Карамзинские крепостники – патриоты, теряющие при отмене крепостного права властные привилегии, функционеры партийного аппарата, сформированного в условиях гражданской войны, влияние которых в нечрезвычайных условиях неизбежно было бы ограничено, сотрудники спецслужб, ограниченные в своей деятельности как новой геополитической доктриной, так и новыми внутренними задачами, значительно сужающими привычное поле деятельности и финансирование. В общем, есть тот, на кого можно опереться, кто хорошо организован, дисциплинирован, обладает необходимым опытом решения проблем, в том числе и силовыми методами. Во всех случаях роста политической раздвоенности большая часть общества, во-первых, переживала массовые социально–экономические фрустрации в предыдущее десятилетие, во-вторых, в рассматриваемый период можно зафиксировать определенный относительный рост материального благосостояния. Уровень повседневной жизни при Николае значительно вырос по сравнению с Александровским кризисом, после голодных лет гражданской войны и талонного распределения вторая половина тридцатых годов вполне может восприниматься как изобилие, к концу «нулевых» благосостояние работников бюджетной сферы и пенсионеров значительно выше, чем в конце 90-х.

Во всех случаях снижения политической раздвоенности, лицо, приходящее к верховной власти, во-первых, имеет опыт политического управления, во-вторых, хотя и окружено многочисленными активными политическими субъектами, но в целом всех устраивает. Екатерина II, Александр II, Н. Хрущев, Б. Ельцин – на первых этапах карьеры пользовались достаточно высокой степенью легитимности. При снижении

политической раздвоенности практически вся властвующая субэлита находится в кризисе, который выражается в неспособности в новых условиях обеспечить выполнение взятых на себя обязательств и амбиций. Эти обязательства могут быть самого разного плана: геополитические, итогом реализации которых было поражение в Крымской войне; экономические, невозможность содержать в условиях принудительного труда сформированную в сталинский период огромную армию, население, заключенных. Должность в государственном аппарате в этих условиях мало походила на синекуру: серьезная нагрузка, высокая ответственность, относительно небольшие привилегии и растянутая во времени карьера делали государственные должности не особенно привлекательными.

Рост политической раздвоенности – результат активных действий команды, возглавляемой лидером, неожиданно получившим легитимную высшую власть, в ходе укрепления которой происходит последовательное подчинение ключевых постов в силовых, экономических, политико–административных, идеологических структурах. Сформированная на основе лояльности политическая элита ориентируется уже не столько на функциональные требования институтов (согласно подходу Д. Норта, институты служат для минимизации оппортунистического и некомпетентного поведения), сколько на реализацию целевых установок политического руководства. Экономической основой политической раздвоенности выступает неконкурентная, но «морально оправданная» экономика, зависимость большинства населения от распределительных механизмов, контролируемых государством или господствующими группами (крепостная – колхозная – планово – распределительная – бюджетная зависимость). Минимальный спектр возможностей на рынке свободного труда характерен для всех периодов роста политической раздвоенности. Формула «небогатая экономическая стабильность в обмен на массовую политическую лояльность» закрепляет сознательное дозирование откровенности и уход в область политических фантазий. Объем критики уменьшается и уходит в область потаенного транскрипта, что снижает вероятность бескомпромиссного организованного открытого сопротивления. Существующие формальные институты не соприкасаются с повседневными иллюзиями и роптаниями, кроме тех случаев, когда определенные, выбранные надежды и ожидания становятся элементами политического PR и входят в риторические конструкции членов господствующей команды.

Список литературы

1. **Коллинз Р.** Социологическая интуиция: введение в неочевидную социологию // Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004.
2. **Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
3. **Лахман Р.** Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / пер с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010. 456 с.
4. **Ледяев В. Г.** Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
5. **Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
6. **Розов Н. С.** Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.
7. **Тилли Ч.** Демократия / пер. на рус. яз. Т. Б. Менской. М., 2007. 263 с.
8. **Турчин П.** Историческая динамика. М.: УРСС, 2007.
9. **Scott J. C.** Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.

PHENOMENON OF POLITICAL DUALITY: PUBLIC AND SECRET RITUALS OF POLITICAL INTERACTION

Yurii Aleksandrovich Pustovoit, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
Center of Practical Sociology and Psychology
Siberian State Industrial University
pustovoit1963@gmail.com

The author considers the problem of divergence between public and secret political activity priorities, introduces the notion of “political duality”, suggests criteria for evaluating its distance, distinguishes the “enlightening” (1762-1854), “modernization” (1856-1905), “revolutionary-soviet” (February 1917 - 1985), “liberal” (1991 – up to the present) periods of political duality distance growth in Russian history, and tells that the analysis of political duality dynamics allows developing and verifying the complex of the hypotheses explaining the change in the nature of public and non-public behaviour by historical data.

Key words and phrases: political elite; corruption; power, economic, ideological, public resources; web of trust; informal groups; method of theoretical history.